

Её властная пара

Её властная пара

saltedpepper saltedpepper

Её властная пара. Книга 2

«China Literature»

saltedpepper s.

Её властная пара. Книга 2 / s. saltedpepper — «China Literature»,
— (Её властная пара)

Содержание

51 Флешбэк	5
52 Он жив	8
53 Их помолвка	11
54 Их смерть	14
55 Блэк-тай	16
56 Отказ	19
57 Последний удар	22
58 Джоанна	24
59 Отец	26
60 Похороны	29
61 Он разорвал помолвку	31
62 Жестокая хватка	34
63 Она убила нашу Луну	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Её властная пара

51 Флешбэк

ПОВ Наси

– Их больше нет. – Вердикт прозвучал, как удар лезвия гильотины.

Щёлк—

Верхние флуоресцентные лампы беспорядочно замерцали, отбрасывая гротескные тени на измученные лица реанимационной бригады. Прерывистый свет показал то, что я отказывалась признавать: грудь Остина больше не вздымалась в ровном ритме дыхания, пальцы Илайджи больше не подёргивались в произвольных рефlekсах. Они лежали абсолютно, пугающе неподвижно.

– Основное питание восстановлено! – объявил техник, и его торжествующий крик гулко отозвался в удушающей тишине.

Щёлк—

Электричество хлынуло обратно в больничную палату, заливая стерильное пространство безжалостным флуоресцентным светом. Внезапное освещение выявило лишь мертвенную неподвижность. Реанимационная бригада застыла на разных стадиях отступления: лопатки дефибриллятора отложены в сторону, стетоскопы бесполезно свисают с шей.

Я оцепенело смотрела на неподвижное тело Остина на больничной койке. Сероватая бледность его кожи не оставляла надежды на оживление, и что-то глубоко в груди болезненно жалось.

Неужели он и правда ушёл? Вот так просто?

В моей голове промелькнули образы: перед мысленным взором возникло опустошённое лицо Харпер, за ним – щербатая ухмылка Тео и пухлые ручки малышки Айви, сжимающие плюшевого волка. Эти картины камнями давили на сердце. У меня вырвался судорожный вздох, а вина так сдавила горло, что я едва могла дышать.

Какие бы грехи ни стояли между мной и Остином, они никогда не должны были коснуться их жизнью. Но теперь было слишком поздно. Я поняла это слишком поздно.

– Остин!

Харпер качнулась в дверях, словно молодое деревце на ветру, её хрупкая фигурка дрожала так сильно, что я испугалась, как бы она не рухнула на пол.

Я инстинктивно шагнула к ней, автоматически поднимая руки, чтобы утешить, как вдруг мир перевернулся. Энергия, которую я вложила в исцеление обоих мужчин, полностью истощила меня. Зрение померкло по краям, а колени подогнулись.

Холодный пол устремился мне навстречу, но в последнюю секунду меня перехватила стена твёрдого тепла, от которой отчётливо пахло старым тиковым деревом и зимним утром. Этот запах – такой неотделимый от Зейна – промелькнул где-то в моём угасающем сознании, прежде чем тьма полностью поглотила меня.

—

– Смотрите! Это дефектная омега семьи Вудс! О Боже, вы только посмотрите, как она бежит! Она что, улитка? – за моей спиной раздался гогот, а я лишь крепче сжала лямки рюкзака, делая вид, что не слышу насмешек, и спешила домой.

– Эй, дворняжка! Раз у тебя нет волка, тебя заставляют полы драить? Семье Вудс вообще нужна безволкая уродка? Тебе хоть разрешают есть за одним столом с ними? Или заставляют вылизывать объедки с пола, как последнюю суку? Ха-ха-ха-ха-ха!

Кай – весь в прыщах и с неуместной бравадой – встал прямо у меня на пути. Его землистое лицо скривилось в гротескной пародии на моё заплаканное выражение: «Ты, кажется,

сейчас расплачешься! Ну что, плакать будешь? О-о-о, мафыфка Пенни шас заплачет? Маленькой безволкой крошке нужна мамочка?! Уа-а-а, уа-а-а!»

Каждая насмешка была подобна ножу, проворачивающемуся в остатках моей гордости.

Я сжала губы и замерла на месте, когда предательские слёзы обожгли мне глаза.

Месяцем ранее, в свой двенадцатый день рождения, я узнала свою ужасную правду: у меня не было волка. Откровение о том, что младшая дочь Альфы Чарльза – безволкая омега, со скоростью лесного пожара разнеслось по стае.

Эмма возглавила травлю против меня ещё за два года до этого, когда я только присоединилась к стае. Тогда, из уважения к положению Чарльза как Альфы, большинство ограничивалось лишь едва заметным отчуждением и подлыми уловками. Но теперь, когда мой дефект стал достоянием общественности? Они превратились в охотников на ведьм, жаждущих увидеть, как я сгорю.

– Уже слёзы? Знаешь что, становись на колени и ползи, как собака, и, может, мы тебя отпустим. И полай для нас! – Кай ткнул пальцем в толпу позади себя. – Сделай это на глазах у всех, и мы подумаем, шадить ли тебя.

Его надутая спесь напомнила мне петухов на ферме моего отца – расхаживающих с неоправданной гордостью.

– Я не буду этого делать. – Слова прозвучали твёрже, чем я себя чувствовала, хотя в моём голосе всё ещё слышалась та самая предательская дрожь.

– Что ты мне только что сказала? – Он шагнул ближе, его тень полностью поглотила мою. От угрозы в его голосе волоски у меня на затылке встали дыбом, но отступление сейчас лишь навлекло бы на меня ещё худшие мучения позже.

– Ха-ха-ха, уродка отшила Кая! – взвыли от смеха дети стаи.

Унижение разожгло ярость Кая. Его ладонь с треском опустилась на мою щёку с такой силой, что у меня в ушах зазвенело.

Первая пощёчина застала меня врасплох.

Раскалённая боль взорвалась на левой скуле, от удара моя голова дёрнулась в сторону. Прежде чем я успела среагировать, кулак врезался мне в солнечное сплетение, одним резким движением выбив дух. Я сложилась, как картонный домик, рухнув на усыпанную гравием тропинку. На меня посыпались удары: пинки по рёбрам, топтание по вытянутым пальцам, а рот наполнился медным привкусом крови, когда я прокусила нежную плоть щеки.

– Никчёмная сука! – Кулаки обрушивались на меня, пока я сворачивалась в клубок, прикрывая голову руками в тщетной попытке минимизировать урон. Но Кай становился всё более неистовым, сопровождая удары ядовитыми оскорблениями, словно я лично убила всю его семью.

В действительности мы были всего лишь членами одной стаи, в лучшем случае – одноклассниками.

Время тянулось бесконечно, пока, словно по волшебству, нападение не прекратилось. Смех зрителей резко оборвался, оставив после себя жуткую тишину.

Всё ещё сжавшись в защитной позе, я выждала целую минуту, прежде чем осмелиться поднять взгляд.

В конце тропинки стоял одинокий силуэт – подсвеченный заходящим солнцем, с неразличимыми чертами лица, но излучающий столько первобытной власти, что мои мучители бежали без единого возражения.

Каждый ноющий мускул протестовал, когда я, выпрямляясь, вытирала кровь с разбитой губы дрожащей рукой.

Кто? Неужели мне кто-то помог?

Стиснув зубы от боли, я пошатываясь, выпрямилась. Свежая мука вспыхнула от бесчисленных ушибов, но я проигнорировала её, ковыляя к своему таинственному благодетелю.

Кем бы он ни был, я должна была его поблагодарить.

Моё избитое тело двигалось медленно, но как бы я ни старалась, фигура оставалась удручающе недостижимой. Отчаяние вырвало слова из моего сорванного горла:

– Подождите! Кто вы? Почему вы мне помогли?

Незнакомец не остановился. Его силуэт, казалось, становился всё более расплывчатым. Я протянула дрожащую руку...

Он резко развернулся...

–

Мои глаза распахнулись, и я увидела стерильный больничный свет. Писк мониторов и шипение кислородных трубок помогли мне сориентироваться: я была в палате.

Смагивая дезориентацию, я попыталась сесть, когда из тени донёсся знакомый голос:

– Тебе что-нибудь нужно? – Голос был грубее, чем обычно, а слова звучали немного невнятно, словно он дремал.

52 Он жив

Нася ПОВ

Больничная палата была погружена в крошечную тьму, но мое обостренное зрение пронзало мрак, и я увидела Остина, сидящего в углу.

У меня галлюцинации? Или я тоже умерла – и это ад? Поэтому я вижу призрак Остина?

– Ты... ты жив? – слова, полные неверия, сорвались с моих губ едва громче гула медицинского оборудования.

Я отчетливо помнила, как моя попытка исцеления провалилась – Остина объявили мертвым. Неужели у меня все-таки получилось?

В его ответном смешке не было веселья, лишь усталость до мозга костей. – Едва ли. Я уже был одной ногой в могиле, когда что-то... кто-то... вытащил меня обратно. – Он наклонился вперед, оперевшись локтями о колени, и даже в темноте я видела, как лунный свет коснулся серебряных прядей, что теперь пробивались в его некогда безупречных золотых волосах. Волчья погибель за несколько дней состарила его на десять лет. – Это была ты, целительница, не так ли? Этот всплеск силы... Я бы где угодно узнал твою энергетическую сигнатуру, Пенелопа.

Я сглотнула, избегая его взгляда. Чтобы отвлечься, я попыталась дотянуться до Матильды, но та все еще была в глубоком, измученном сне.

– Не носи чушь, – прошипела я. – Тебя спасла сыворотка от Новакьюр.

Остин лишь улыбнулся – той самой раздражающей, всезнающей улыбкой, из-за которой мне когда-то хотелось одновременно уважать и ненавидеть его. – Сыворотка не сработала. Я видел, как врачи констатировали смерть. А потом появился свет – твой свет, – хлынувший в каждую разрушенную клетку. – Его голос понизился до шепота, едва слышного за ритмичным писком капельницы. – Спасибо.

Между нами повисла тишина.

– Пока я там лежал, – продолжил Остин, – я мог думать только о тебе, Пенелопа. Прости... мне не следовало так манипулировать тобой, даже если я делал это, потому что любил тебя. Я бесчисленное количество раз молился Богине Луны, желая вернуться назад и любить тебя по-другому. Но я не могу исправить прошлое. Я не заслуживаю твоего прощения.

Его голубые глаза, наполовину скрытые в тени, безошибочно блестели. Неукротимый Остин, неприкасаемый Альфа, по которому вздыхала каждая девушка, теперь стоял передо мной со смирением кающегося грешника.

Хотя он и не был единственным архитектором моих страданий, это было первое искреннее извинение, которое я когда-либо получала от кого-то из моего прошлого. Новизна этого ощущения ошеломила – словно мне наконец-то оказали уважение, в котором отказывали годами.

Старые раны, вырезанные на душе ребенка, которым я когда-то была, начали покрываться корочкой. Они не исчезнут полностью, но от этого извинения мне все равно хотелось рыдать.

– Тетя Пенелопа! Ты проснулась!

– Ты долго спала! Как Белоснежка!

Два высоких голоса раздалась из дверного проема. Тео и Айви ринулись ко мне; закутанные в пухлые зимние куртки, они напоминали прыгающие зефирки. Харпер шла следом, выглядя измученной, но сияющей.

– Прости, – беззвучно произнесла она поверх голов детей, а затем повысила голос. – Тео Джеймс Вудс, убери ботинки с кровати! Айви, милая, помнишь, что мы говорили о голосе в помещении? Тетя Пенелопа только что проснулась – ей нужен отдых!

Остин отступил назад, щелкнув выключателем и включив свет как раз в тот момент, когда Харпер подошла к моей кровати.

Она взяла меня за руку, ее лицо смягчилось. – Вижу, ты уже слышала хорошие новости о своем брате! Ты, должно быть, очень устала – врачи сказали, что ты упала от переутомления. Я не хотела тебя беспокоить, но эти двое умоляли отвести их к отцу с тех пор, как он вчера очнулся.

Я покачала головой. – Все в порядке. Они не мешают.

Внезапно глаза Харпер наполнились слезами. Такая резкая перемена сбила меня с толку.

– Что случилось? – мягко спросила я.

Она смущенно вытерла щеки. – Ничего. Я просто... счастлива. Остин жив. Ты вернулась. Сыворотка от Новакьюр Байолоджикс – ты бы видела. Богиня Луны, когда они констатировали смерть... А потом сыворотка внезапно начала действовать... Я никогда раньше не верила в чудеса, но... Они вернулись к нам.

Значит, официальной версией останется то, что их спасла сыворотка Новакьюр. Умно. Чем меньше людей знает о моих способностях, тем я в большей безопасности.

Кстати об этом. – А что с Илайджей?

– Он поправляется медленнее, чем Остин. Все еще то засыпает, то просыпается, но врачи говорят, что он хорошо восстанавливается.

Я кивнула. Значит, мое вмешательство все-таки сработало.

– О! Зейн несколько раз навещал тебя, пока ты была без сознания. Он казался очень обеспокоенным. Это ведь он вернул тебя после амнезии, да? Я никогда не замечала тебя в школе – как вы познакомились? Он никогда раньше о тебе не упоминал.

Мой взгляд метнулся к Остину. Его лицо стало непроницаемым, без тени тепла.

– У нас с Зейном... все сложно, – уклончиво ответила я.

Харпер неверно истолковала мое замешательство. Она усмехнулась. Ее улыбка стала понимающей. – Он тебе нравится? Думаю, ты ему тоже. Он кажется холодным, но на самом деле он порядочный. В стае Ночной Тени все думали, что мы в итоге будем вместе, но мы были просто друзьями. Я слышала, его пара умерла – никто не знает, кто это был. Раз у тебя нет волка... может, попробуешь с ним встречаться?

Температура в комнате, казалось, упала на двадцать градусов. Остин сжал челюсти так сильно, что мог бы расколоть ими грецкие орехи. Тео, почувствовав внезапное напряжение, бросил свои игрушечные машинки и с любопытством уставился на взрослых.

– Харпер, – в голосе Остина прозвучало тихое предостережение Альфы, едва сдерживающего свой гнев. – Пенелопе нужен отдых. Нам следует...

– Вообще-то, – прервала я, заставив себя зевнуть, – я очень устала. Может, продолжим позже?

Харперхватило такта, чтобы смутиться, и она вывела детей из палаты, пообещав им на завтрак пудинг из столовой. В тот момент, когда дверь за ними щелкнула, я рухнула обратно на подушки, внезапно поняв, почему раненые звери прячутся в темных местах, чтобылизать свои раны.

Харпер явно не знала, что я – пара Зейна. Если даже она была не в курсе, значит, секрет хорошо хранили. И Зейн, и Остин скрыли правду.

Хотел ли Зейн по-прежнему видеть меня своей Луной? Он так и не отверг меня как свою пару – даже спал со мной – но так и не решился объявить обо мне публично.

А еще была Сильви, державшая его под руку.

Зловещее предчувствие скрутило мне живот, заставив пульс бешено забиться. Дрожащими пальцами я нащупала телефон и поспешно набрала номер Зейна.

Бип... бип... бип...

Гудки шли бесконечно, с каждым из них напряжение росло. Наконец, спустя, казалось, целую вечность, на звонок ответили.

– Аллю? – ответил приятный женский голос.

53 Их помолвка

Нася ПОВ

Это была Сильви.

Я почувствовала себя вором, застигнутым хозяином дома, и тут же повесила трубку.

Внезапно я вспомнила, как Остин солгал мне, утверждая, что Харпер – его деловой партнер, когда она позвонила. Тогда я была слишком наивна. Хотя в мою душу и закрались сомнения, я все же предпочла поверить Остину. Но теперь...

Я взглянула на время на экране телефона. Если они не были вместе, то кто станет отвечать на чужой звонок в пять утра?

Они переспали.

От этого осознания мое сердце бешено заколотилось.

Я закрыла глаза, и мое сознание наводнили картины, как они, обнаженные, сплелись в постели. Эти мучительные образы терзали меня, сводя почти с ума.

Мне хотелось разорвать на куски ту женщину по имени Сильви прямо здесь и сейчас, но разум удержал меня от этого порыва.

Мне нужно было как следует поговорить с Зейном.

Это решение не терпело отлагательств.

Через несколько часов первые лучи рассвета прокрались за горизонт, осветив каждую улицу Нью-Йорка. Я с трудом села на кровати, а Матильда уже проснулась. Харпер и Остин, которые ушли ранее, снова появились в моей палате, на этот раз в сопровождении еще двоих – Эммы и Софии.

– Милая, мы уже оформили документы на твою выписку. Хочешь поехать домой с нами? – Харпер взяла меня за руку, пытаясь увести, но я осталась стоять как вкопанная.

– Что не так?

Увидев недоумевающее выражение лица Харпер, я с подозрением посмотрела на двух женщин, стоявших в стороне.

– Не наглей. То, что мой брат вообще позволяет тебе вернуться, показывает, насколько он снисходителен. Что это за оборотень, который просто исчезает без единого слова, а потом объявляется спустя три года?

– Эмма, Пенелопа потеряла память. Поэтому она и не возвращалась, – защитила меня Харпер.

– Хмф, – Эмма скривила губы, ее взгляд был полон презрения, когда она усмехнулась. – Кто знает, действительно ли она потеряла память? Меня она, кажется, прекрасно узнает. То, как она на меня смотрит – словно на какую-то грязную канализационную крысу – доказывает, что она притворяется!

София молча стояла в стороне с непроницаемым выражением лица, позволяя словесным нападкам Эммы продолжаться беспрепятственно.

Мне нечего было сказать.

Это противостояние было на самом деле между мной и Софией. Она ненавидела меня, а я не хотела иметь с ней ничего общего. Честно говоря, у меня не было никакого желания возвращаться в Стаю Темного Леса. С самого первого дня моего прибытия туда и до сих пор я ни разу не почувствовала, что там мое место. Мысль о том, что придется вернуться и снова столкнуться с Софией и Эммой, заставляла все мое тело болеть, словно его пронзали иглами. Но сейчас у меня не было денег, и я все еще не выяснила отношения с Зейном.

Напряжение стало невыносимым, поэтому Харпер попыталась сгладить ситуацию. – Эмма, Пенелопа вспомнила лишь обрывки. Она, наверное, все еще в замешательстве. Давай сначала просто поедem домой, а потом отвезем ее к врачу.

Эмма выглядела так, будто вот-вот взорвется, но Остин жестом велел ей успокоиться. Решение было за мной.

После долгого молчания наконец заговорила Матильда.

– Я думаю, нам стоит пока вернуться.

– Почему?

– Мы только что исцелили двоих. Наши тела слишком ослаблены и нуждаются в отдыхе.

Судя по тому, что я видела в последние несколько дней, если мы сейчас безрассудно останемся одни в Нью-Йорке, мы можем оказаться в опасности. Кроме того, тебе ведь все еще нужно поговорить с Зейном? Думаю, мы можем сначала отдохнуть, а потом вернуться, чтобы во всем разобраться.

Она была права.

– Хорошо, – сказала я Харпер. – Давайте пока вернемся.

Как только слова сорвались с моих губ, Эмма метнула в меня яростный взгляд и в расстройстве умчалась прочь.

Я села в самолет, летевший обратно в Чикаго. Город Нью-Йорк расстился подо мной, и, наверное, мне стоило бы чувствовать больше печали. Но правда в том, что вскоре после взлета я погрузилась в глубокий сон без сновидений.

Я спала крепко – возможно, потому что знала, что Остин вне опасности, или, может быть, потому что Матильда снова была рядом со мной. Когда я снова проснулась, то обнаружила, что лежу в незнакомой спальне.

Солнечный свет лился сквозь окна, освещая простую, но уютную комнату. Я провела пальцами по гладким шелковым простыням и поняла, почему спала так крепко. Еще недавно меня терзал тот телефонный звонок, но теперь, сидя в этой залитой солнцем теплой спальне, я почувствовала, как моя тревога неожиданно улеглась. Я встала с кровати, вышла в коридор и тут же услышала, как с первого этажа зовет голос Айви.

– Тетя Пенелопа проснулась!

Затем раздался голос Тео: – Белоснежка проснулась!

Топот маленьких ножек пронесся вверх по лестнице, и вскоре два пухлых близнеца уже цеплялись за меня, без умолку болтая у моих ног.

Я вдруг вспомнила Ориона, ребенка, которого взяла к себе Матильда. Он, должно быть, их ровесник. В то время как Орион все еще с трудом выговаривал слова, эти двое уже могли составлять целые предложения. Это было доказательством того, насколько сильно они унаследовали мощные гены оборотней Остина и Харпер.

– Вы двое, дайте тете Пенелопе отдохнуть! – Харпер вышла из кухни в фартуке, делая вид, что ругает их. – И вам лучше доесть всю брокколи со своих тарелок, если хотите, чтобы она с вами поиграла, потому что тетя Пенелопа играет только с хорошими детьми!

Близнецы тут же заныли и отпустили мои ноги. Айви даже посмотрела на меня большими, умоляющими глазами, ее лицо было полно обиды.

Харпер бросила на меня многозначительный взгляд, и я подыграла. – Ваша мама права. Я поиграю с вами только после того, как вы доедите свою брокколи.

Маленькая головка Айви поникла, и они оба уныло поплелись прочь.

Харпер со смешком вздохнула, развязывая фартук. – С ними столько хлопот. Теперь, когда Остину лучше, мы снова можем нанять няню. Раньше нам пришлось уволить весь персонал, чтобы сохранить его состояние в тайне. Иди поешь что-нибудь, Пенелопа. Ты проспала целые сутки – должно быть, умираешь с голоду.

Я пошла за ней вниз в столовую, где ждало множество прекрасно приготовленных блюд. Я часто видела подобные трапезы дома, но за тем столом для меня никогда не было места.

– Чувствуй себя здесь как дома. Не волнуйся – мы не живем с Софией и Эммой. В этом доме только я, Остин и дети.

Харпер протянула мне тарелку пасты, и я тихо пробормотала «спасибо», прежде чем жадно ее поглощать. Я так давно нормально не ела, и после стольких часов сна мое тело отчаянно нуждалось в пище. Насыщенный вкус играл на моем языке, и я ела с удовольствием, смакуя каждый кусочек. Харпер наблюдала за мной с нежной улыбкой.

На миг перед моими глазами промелькнуло улыбающееся лицо Эльды.

Я быстро опустила голову, сглатывая внезапно подступившую к горлу горечь. В то же время по моему телу разлилось тепло – редкое чувство уюта и благодарности. В этот момент я даже забыла о Зейне.

Будучи человеком среди оборотней, мой статус нежеланной гостьи был вполне естественным. Мир оборотней был жесток, в нем правил закон выживания сильнейшего. Для такой слабой, как я, то, что меня не любили родители, было ожидаемо. Кто-то вроде Харпер был исключением. Она была как мать, как ангел, нежно исцеляющий мою израненную душу.

Я молча ела пасту, пока Харпер, сидевшая напротив, вдруг не заговорила.

– О, кстати, Зейн и Сильви прислали приглашение. Послезавтра у них помолвка. Ты пойдешь?

54 Их смерть

Зейн POV

Полная луна одиноко висела в тёмной ночи, и на небе не было видно ни единой звезды. Я высвободил руку из объятий Сильви, перевернулся и встал с кровати.

– Что ты собираешься делать? – спросил Максимус.

Я уставился на своё отражение в зеркале ванной. Смотрящее на меня лицо казалось незнакомым, на нём застыло выражение растерянности, которого я никогда раньше не видел.

«Новакьюр Байолоджикс» успешно спасла Илайджу. Согласно моему договору с Александром Ротшильдом, я должен был жениться на Сильви.

Изначально я думал, что это разумный деловой союз – но это было до Пенелопы...

Связь истинной пары была настолько сильна, что я не мог ей сопротивляться. Каждая мелочь, которую делала Пенелопа, привлекала моё внимание. Даже лёжа рядом с Сильви, я думал лишь о запахе Пенелопы, словно всё ещё ощущал его сладкий аромат в своих ноздрях. Как я мог теперь отказаться от своей пары и довести до конца эту помолвку с Сильви?

– Я хочу её, – сказал Максимус.

Я тоже.

Но...

– Если мы откажемся от союза со Стаей Руж Кресент, мы потеряем доступ к противодействию от волчьей гибели. То оружие с волчьей гибелью, что пропало, может навредить невинным. Нам нужна эта сыворотка, чтобы спасти жертв.

Максимус разочарованно зарычал. – Тогда что насчёт Пенелопы?

У меня не было ответа. Правда и так была ясна.

На самом деле, места для борьбы не было. У меня не было выбора. Единственная причина, по которой я всё ещё мучился, заключалась в том, что моё желание к ней никогда не угасало. Тоска была подобна ножу, застрявшему во мне – до воссоединения с Пенелопой он дремал. Но увидев её снова, снова обняв её, этот нож пробудился, словно впадшая в спячку гадюка. Каждый раз, когда он шевелился, он разрывал меня изнутри, оставляя в агонии.

От одной мысли о том, чтобы отвергнуть Пенелопу, мне становилось трудно дышать.

Я схватил случайную бутылку бренди из бара и сделал большой глоток. Крепкий напиток обжёг мне горло, высокоградусный алкоголь скользнул в желудок, и меня тут же затошнило. Но, по крайней мере, на краткий миг это заставило меня забыть о Пенелопе.

– Ты слишком много пьёшь. Прекрати, Зейн. Хотя мы, оборотни, и не пьянеем так легко, такими темпами ты долго не протянешь, – предупредил Максимус.

Я игнорировал его, пока бутылка не опустела, а затем поставил её с глухим стуком.

Мир пошатнулся, края всего вокруг расплылись. Даже Сильви на кровати стала немного походить на Пенелопу. Я издал глупый, одурманенный смешок, прежде чем рухнуть на диван.

Максимус вздохнул, и в этом вздохе смешались жалость и смирение.

– Зачем ты так с собой поступаешь?..

Горькое разочарование сдавило мне горло. Я и сам задавался тем же вопросом – зачем я так с собой поступаю?

Я не знал, как долго спал, пока не почувствовал, что кто-то нежно похлопывает меня по лицу.

– Зейн, проснись. Давай же, проснись.

Я с трудом открыл глаза и увидел Оуэна Уиллиса с паникой на лице.

– Господи, как мне тебе это сказать... – брови Оуэна сошлись на переносице, а морщинки в уголках глаз стали глубже. Он помог мне сесть и тревожно зашагал по моей комнате.

– Что случилось, дядя Оуэн? – спросил я.

– Сынок, – Оуэн глубоко вздохнул, затем сел рядом со мной на кровать, крепко сжимая мои руки.

Его поведение заставило меня напрячься. – В чём дело? Где мама и папа?

– Зейн, послушай, – хватка Оуэна была такой сильной, что почти причиняла боль, но я не отстранился, ожидая его слов.

– Мне очень жаль сообщать тебе это... но твои родители погибли в автокатастрофе.

– ...Что?

Я замер, не в силах осознать то, что только что услышал. Всего несколько часов назад мама уложила меня спать, а отец обещал утром взять меня в лес. А теперь их... нет?

– Ты врёшь. Сегодня же Первое апреля, верно?

Оуэн опустил голову. Когда он снова поднял взгляд, его глаза были налиты кровью, а в уголках скопились слёзы.

– Мне так жаль, Зейн. Мне так жаль, что именно я должен тебе это говорить, но твои родители... они действительно... – его голос сорвался, но я всё ещё не мог поверить.

Нет. Этого не может быть.

Я оттолкнул Оуэна и, спотыкаясь, спустился вниз. Обычно в этот час патрулировали лишь несколько воинов, но сейчас все взрослые члены стаи собрались в большом зале. Толпа была плотной, голоса гудели, но я не мог разобрать ни единого слова.

– Зейн!

Кто-то позвал меня по имени. Я обернулся и увидел, что за мной спешит Оуэн.

Ошеломлённый, я поднял взгляд на лица вокруг. Их выражения варьировались от жалости и скорби до сомнения.

– Боже, какой ужас. Его родители просто так погибли...

– Что теперь будет со Стаей Ночной Тени? Наш Альфа погиб, а он всего лишь ребёнок...

– Может, нам стоит избрать нового Альфу?..

Время не дало мне пощады. В тот момент у меня не было даже роскоши поплакать. Моё тело неконтролируемо дрожало, холодный ужас проникал в самые кости. Что со мной будет? Меня изгонят из Стаи Ночной Тени? Как я выживу один?

Как раз в тот момент, когда я был на грани срыва, рука Оуэна уверенно легла мне на плечо. В зале воцарилась тишина, все взгляды обратились к нему.

– Твои родители оставили последнее желание – чтобы до твоего двадцатилетия я помогал тебе управлять Стаей Ночной Тени. После этого ты станешь её единственным Альфой.

В тот же миг, как эти слова сорвались с его губ, зал взорвался.

– Это неприемлемо!

– Надо просто выбрать нового Альфу сейчас!

– Он не годится для этого!

Протесты не утихали. Лицо Оуэна помрачнело. Он поднял руку, и его голос прозвучал резко.

– Вы смеее перечеить последнему желанию вашего Альфы?!

Тишина наступила мгновенно.

Оуэн наклонился и мягко взял меня за руку. – Пойдём. Я отведу тебя, чтобы ты увидел их в последний раз.

Я шёл за ним шаг за шагом, но чувствовал, что ноги вот-вот подкосятся. Споткнувшись, я почти рухнул на пол, инстинктивно зажмурив глаза – пока кто-то не поймал меня с испуганным криком.

– Зейн!

Ожидаемая боль так и не пришла. Когда я открыл глаза, мой взор заполнило лицо Сильви.

Она нахмурилась, глядя на меня. – Чёрт возьми, почему ты так вспотел? Ты спал целую вечность – я уж подумала, ты в обморок упал! Вставай! Ты что, забыл? Сегодня наша помолвка!

55 Блэк-тай

Нася ПОВ

– Мисс Вудс, не желаете примерить серебряное платье? – продавец-консультант вилась неподалёку, держа в руках мерцающее серебряное платье, в котором отражался свет люстры бутика.

Я изучала отражение платья в зеркале, и его металлический блеск вдруг вызвал в памяти образ прямых, как водопад, серебряных волос Сильви. Из горла вырвался неожиданный смешок – резкий и безрадостный.

Я несколько дней пыталась дозвониться до Зейна. Тот единственный звонок, на который ответил приторно-сладкий голос Сильви, оказался последним удачным. Каждая последующая попытка заканчивалась либо бесконечными гудками, либо, что ещё хуже, автоматическим приветствием голосовой почты, записанным его баритоном. И вот я здесь – подтверждаю своё присутствие в личном аду, садясь на самолёт, чтобы явиться на его помолвку, словно какая-то мазохистка, врывающаяся на чужую свадьбу.

– Что смешного? – голос Матильды прорвался сквозь мои мысли. Она смотрела на меня так, словно я сошла с ума. – Ты же клялась, что не поедешь. Что изменилось? И даже не заикайся о том, почему ты улыбаешься, когда мужчина, которого ты любишь, вот-вот поклянется в верности другой.

– Сердце разбито вдребезги, – заявила я с преувеличенной бодростью, выдавливая из себя улыбку, не дошедшую до глаз. Выражение лица тут же исчезло, стоило мне опустить взгляд на руки, где ногти впились в ладони, оставив гневные красные полумесяцы.

В прошлый раз, когда я так делала – стояла в примерочной, мучаясь с выбором наряда для Зейна, – жизнь была проще. У меня были свои, честно заработанные сбережения. Рядом была Миа, которая говорила, что мятно-зелёный подчёркивает мои глаза. А теперь? А теперь я, как какой-то жалкий благотворительный случай, выпрашивала у Харпер деньги на билет.

– Это мазохизм, – пробормотала Матильда, пока я выскальзывала из нежно-розового тюлевого недоразумения. – Он подписывает контракт с этой наследницей Ротшильд на глазах у половины элиты Восточного побережья. Какой в этом смысл?

– Мне нужно услышать, как он это скажет.

Серебряное платье скользнуло по моим бёдрам. За последние три года моё отражение изменилось: изгибы стали более полными, ключицы – острее, а кожа приобрела желтоватый оттенок, несмотря на месяцы, проведённые на свежем воздухе. – Мне нужно видеть, как он выберет её, глядя мне в глаза.

Я отказывалась верить, что Зейн любит ту женщину. Последние два дня мой разум был затоплен воспоминаниями о его руках, обвинивших меня, – об отчаянной силе его хватки, лихорадочном жаре его объятий, о том, как его губы касались моего уха, когда он шептал слова, что врезались в самые кости. Если те мгновения были ложью, мне нужно было, чтобы он сказал это мне в лицо.

Матильда выдохнула через нос. – Господи, какая же ты упрямая.

Повернувшись к консультанту, я изобразила женщину, которая только что не собиралась поджечь вешалку с платьями. – Знаете, я, пожалуй, всё-таки возьму то розовое.

– Изысканный выбор, мисс Вудс. – Её отработанная улыбка не дрогнула. – Организовать доставку на ваш основной адрес?

– Я в нём и пойду.

– Очень хорошо. Позвольте мне пригласить нашего лучшего стилиста для вашей подготовки. – Едва заметная пауза. – Счёт... останется на домашнем аккаунте мистера Остина Вудса?

Я кивнула, ощущая на языке горький вкус заёмной привилегии. Как только за дверью щёлкнул замок, у меня подкосились колени.

– Нася. – Матильда возникла рядом, когда я рухнула на парчовую кушетку, которая, вероятно, стоила дороже моей аренды за последние полгода во Флориде. – Мы ещё можем уйти с достоинством. Мария и Орион, скорее всего, уже переставили наши вещи в домике. Они...

– Я в порядке. – Я сосредоточилась на дыхании – вдох через нос, выдох через рот, – пока дрожь не прекратилась.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась женщина, выглядевшая так, словно сошла со страниц «Вог». Мелированное русое каре. Кашемировое платье, облегающее фигуру топ-модели. Ни следа макияжа на веснушчатом лице, потому что, когда гены так благосклонны, зачем утруждаться?

– Зара Лоран, – представилась она, протягивая руку с ногтями, отполированными до естественного блеска. – Сегодня я буду вашим архитектором эстетики.

Я последовала за ней к туалетному столику, где Зара выбрала три тональных крема из дюжины флаконов.

– Какой образ вы хотите создать?

Ошеломлённая выбором, я пробормотала: – Какой, по-вашему, мне подойдёт.

Зара кивнула и принялась за работу.

«Преображение» заняло три часа безмолвной концентрации. Зара работала как хирург – растушёвывала, контурировала, один раз даже приподняла мой подбородок двумя пальцами, чтобы поймать свет. Когда она наконец отступила назад, её отражение появилось в зеркале за моим.

– Ну как?

Я едва узнала себя. Тёмные круги под глазами исчезли. Губы выглядели свежо-укушенными, а не обветренными. Но настоящим волшебством были мои глаза – Зара подвела их каким-то секретным способом, отчего радужка засияла, словно янтарь, поднесённый к огню.

Она вложила мне в ладонь квадратик семидесятипроцентного тёмного шоколада. – Для нервов. А теперь иди и верни его.

– Откуда вы...

Зара понимающе улыбнулась. – Я делала макияж бесчисленному множеству знаменитостей. Я видела все виды разбитых сердец. Ваш – не новый. – Её голос смягчился, пока она собирала вещи. – У вас всё получится.

Я с благодарностью кивнула. После её ухода я поймала такси до отеля.

По дороге Матильда замялась. – Вот-вот начнётся. Ты уверена? Мы ещё можем повернуть назад.

Я едва заметно покачала головой.

Несмотря на зимнюю прохладу, солнечный свет заливал Нью-Йорк золотом. Пока такси катилось мимо сверкающих небоскрёбов, я смотрела, как мимо проносятся, смазываясь, рождественские украшения Пятой авеню. Двадцать лет я была девушкой, которая вечно сомневается. Омегой, которая извиняется за своё существование. Не сегодня. Не в этот раз. Зейн – моя пара. Он должен быть моим.

Впереди высился «Сент-Реджис», его фасад в стиле ар-деко был увешан таким количеством белых роз, что хватило бы разорить небольшую страну. Красная ковровая дорожка пересекала припорошённую снегом площадь, на которой, словно вороны, сгрудились папарацци.

Я вышла из такси и направилась прямо к дверям отеля.

Шаг, второй, третий...

Наконец я вошла. Внутри бальный зал мог бы сойти за лихорадочный сон о Версале. Хрустальные люстры. Ледяные скульптуры, «потеющие» на серебряные подносы с шампанским. А в центре всего этого —

Зейн.

Чёрный галстук-бабочка. Волосы безжалостно зачёсаны назад. Острые черты его лица словно высечены из того же мрамора, что и статуи по бокам от него. Наши взгляды встретились поверх сотен гостей в жемчугах и смокингах, и на одно застывшее мгновение комната перестала существовать.

Точно как в тот день, когда мы узнали друг в друге свою пару.

56 Отказ

Нася POV

Но на этот раз всё было совсем не так.

Зейн был не один – рядом с ним стояла Сильви, её серебряные волосы блестели под люстрами, словно полированный металл. Изящное серебряное платье, в которое она была одета, подчёркивало её неземную красоту, а безупречный макияж и царственная осанка делали её во всём похожей на королеву, которой она и была. Суровое напоминание о том, кто должен был стать настоящей звездой сегодняшнего вечера.

Они ещё не могли официально обручиться – я заметила отсутствие кольца на пальце Сильви.

Моё внезапное появление всё нарушило. Несостоявшаяся помолвленная пара замерла, их внимание теперь было полностью приковано ко мне.

– Разве это не пропавшая омега из Стаи Тёмного Леса?

– О Боже, она жива? Где она была все эти годы?

– Я слышала, их альфа пострадал, когда искал её...

– Почему она здесь?

– Надо признать, она красива. Но у неё даже нет волчицы – как она выжила там одна?

Если только не сбежала с изгоями...

Шёпот, подобно змеям, пополз по толпе, но я игнорировала его, собрав все остатки мужества, чтобы подойти к Зейну.

– Пенелопа! – Харпер вскочила со своего места, элегантная в сером платье до колен. – Ты же сказала, что не придёшь! Что изменилось?

– Ты сегодня выглядишь сногшибательно, – продолжила она, её голос был тёплым, но с нотками замешательства. – Остин сказал, что не сможет прийти, и я боялась, что придётся сидеть здесь в одиночестве. Теперь, когда ты здесь, почему бы тебе не присоединиться ко мне?

Я покачала головой, выдавив из себя слабую улыбку. – Нет, Харпер. Я здесь кое к кому.

– К кому?

Мой взгляд снова метнулся к Зейну. Глаза Харпер забегали между нами, и на её лице отразилось озарение.

– погоди, не говори мне, что вы двое...?!

Я мягко высвободила свою руку из её и продолжила идти, пока не остановилась прямо перед Зейном и Сильви.

Идеальные брови Сильви сошлись на переносице, а губы скривились от раздражения. – Что ты здесь делаешь? Места для гостей внизу. – Она метнула гневный взгляд на ближайшего сотрудника. – Выполняйте свою работу и проводите её...

– Не утруждайтесь, – прервала я её, не сводя глаз с Зейна. – Я здесь ненадолго.

Зейн просто смотрел на меня с непроницаемым выражением лица. Эта пустота пронзила меня страхом – я могла вынести осуждение толпы, но его безразличие? Оно могло меня уничтожить. Сработает ли это? Любит ли он меня до сих пор?

Его холодная отстранённость пошатнула мою уверенность. Мужество, которое я собрала, уже ускользало сквозь пальцы.

– Что ты здесь делаешь? – наконец заговорил Зейн. Его тихий голос кипел сдерживаемым гневом.

– Я... мне нужно было поговорить с тобой. Я хотела... – Слова застряли у меня в горле, но он не дал мне закончить.

– Нельзя было просто позвонить? – Обвинение в его тоне было едва уловимым, но я его поймала.

Я хотела сказать: я звонила. В первый раз ответил не ты. А потом мой номер заблокировали. Но я чувствовала, что терпение Зейна уже на исходе, поэтому сглотнула и выдавила из себя слова, которые репетировала тысячу раз.

– Обещание, которое ты дал на выпускном балу, всё ещё в силе?

В ту ночь он попросил меня стать его Луной, пусть даже всего лишь игрушкой.

Глаза Зейна на миг дрогнули, но сомнение исчезло так же быстро, как и появилось. Его губы скривились в насмешливой улыбке. – Какое обещание? Я не помню. – Он повернулся к персоналу, его голос стал резким. – Выведите её.

Как только он отдал приказ, охрана в чёрных костюмах двинулась ко мне. В панике я схватила Зейна за запястье. – Ты сказал, что сделаешь меня своей Луной! Мы ведь пара, разве не так?!

Зал взорвался.

Вздохи и восклицания обрушились на нас, словно волна.

– Она только что сказала, что она пара Зейна Кинга?

– Но я слышала, что его пара умерла три года назад... Пойдите, она ведь исчезла примерно в то же время...

– Как она может быть его парой? У неё даже нет волчицы!

– Тогда кто же Сильви?

Шёпот становился всё громче, мои ладони вспотели. Но прежде чем Зейн успел ответить, рука Сильви метнулась вперёд.

ХЛЁСТ.

Пощёчина была совершенно неожиданной, от её силы у меня зазвенело в ушах.

– Бесстыжая сука! – прорычала Сильви, её самообладание было разбито вдребезги. – Я терпела тебя из-за Стаи Тёмного Леса, но теперь ты смеешь приходить сюда и пытаться украсть моего жениха? – Она резко повернулась к персоналу. – Чего вы ждёте? Вышвырните её!

Чьи-то руки сжали мои плечи, дёргая меня назад. В отчаянии я вцепилась в рукав Зейна, слёзы хлынули по моим щекам.

– Я никогда в жизни ни за что не боролась. Я всегда наблюдала за тобой из тени. С того дня, как ты спас меня, когда мне было восемь, я люблю тебя. Может, я всегда была слабой, трусливой, бесполезной, но сегодня я использовала всё мужество, что у меня было, только чтобы встать рядом с тобой. Я твоя пара, ведь так? Ты сказал, что сделаешь меня своей Луной...

Чем больше я говорила, тем сильнее плакала. И тут до меня дошло – я впервые так рыдала со смерти Эльды.

– Ты... совсем ничего ко мне не чувствуешь?

Если бы он чувствовал хотя бы малую толику того, что чувствовала я, то каждый миг любви, каждая секунда тоски были бы не напрасны. Но лицо Зейна оставалось ледяным. В тех зелёных глазах – тех, в которые я влюбилась с первого взгляда – не было ничего, кроме холодной отстранённости.

– Мы были парой, – сказал Зейн, высвобождая руку. Его голос был таким пустым, что казался чужим. – Но это было три года назад. В тот момент, когда ты исчезла, моя пара умерла. Теперь единственный человек, которого я люблю, стоит рядом со мной.

Затем с нарочитой медлительностью он поднял руку Сильви и прижался губами к её костяшкам.

– Сильви Ротшильд – мой единственный выбор.

Каждое слово было как нож в грудь. Я забилась в руках, державших меня, снова рванувшись к Зейну, но он оттолкнул меня, а его голос с окончательной резкостью хлестнул, как кнут. – Когда ты перестанешь унижаться? Кто-нибудь...

– Я не верю тебе! – Мой крик был срывающимся и надрывным. Голос Матильды жужжал у меня в ухе, но я не слышала его из-за рёва в своей голове. Я звучала как обезумевшая, отчаявшаяся, как сумасшедшая, отказывающаяся принять реальность. – Я не верю в это!

С Зейна было достаточно. – Хорошо, – рявкнул он. – Тогда позволь мне прояснить. Я, Зейн Кинг, отвергаю тебя, Пенелопа Вудс, как свою пару.

57 Последний удар

ПОВ Наси

Роскошный бальный зал наполнило механическое жужжание бесшумных камер и внезапные вспышки фотоаппаратов.

«Я, Зейн Кинг, отвергаю тебя, Пенелопа Вудс, как свою пару!»

Его слова обрушились на меня, как физический удар. Слезы, струившиеся по моему лицу, мгновенно преобразились – это были уже не слёзы горя, а чистая физиологическая реакция на жгучую боль, которая взорвалась в каждом нервном окончании. Казалось, будто невидимые когти разрывают мне грудь, с методичной жестокостью кромсая мышцы и сухожилия. Моё сердцебиение стало прерывистым, и каждый срывающийся удар отдавался новыми волнами агонии в моём истерзанном теле.

Я умираю в безмолвном крике.

Так вот каково это.

Даже без метки пары разрыв мог так меня опустошить.

Мальчик, который когда-то прыгнул в тёмные воды, чтобы спасти меня; юноша, который тенью преследовал меня в юности; альфа, который заставил меня бороться за что-то, после того как я всё потеряла, – он разлетелся на моих глазах, как фарфор династии Мин о мрамор, расколовшись на миллион невозможных осколков.

Мои колени подогнулись. Я неуклюже рухнула на пол, а мои предательские руки всё ещё цеплялись за сшитые на заказ брюки Зейна, словно утопающая, хватающаяся за обломок дерева. «Пожалуйста...» – это слово вырвалось из моего горла, хриплое и надломленное. «Я умоляю тебя...»

Не делай этого со мной. Не уничтожай меня так.

По резкому жесту Зейна охрана тут же шагнула вперёд. «Уведите её». В его голосе было не больше эмоций, чем если бы он приказывал выбросить мусор. Алые губы Сильви скривились в торжествующей ухмылке, пока грубые руки хватали меня под локти и тащили по отполированному полу. Шёпот толпы захлестнул меня: одни были в шоке, многие – позабавлены, но все относились к моему горю как к неожиданному вечернему развлечению.

И тут – голос, подобный грому, расколовшему грозовые тучи.

«Отпустите её».

Весь бальный зал замер. Даже охранники, державшие меня, застыли на месте.

Остин стоял в проёме парадных дверей. Его золотистые волосы были слегка растрёпаны, а манжеты белой рубашки расстёгнуты, словно он одевался в дикой спешке. И всё же, несмотря на видимую торопливость, он нёс себя с той же внушительностью, что и его отец. Он пересёк зал со смертоносной грацией хищника. Толпа расступалась перед ним, как Красное море перед Моисеем.

Мой ангел-хранитель.

Воспоминания нахлынули вновь – об издевательствах Скотта, о том, как Остин, словно буря, появлялся, чтобы защитить меня. Его шаги были торопливыми, но выверенными, пока он сокращал расстояние между нами. Увидев его сейчас, в разгар моего крушения, я почувствовала, как что-то внутри меня треснуло. Из горла вырвалось рыдание.

Он не заговорил с Зейном. Не удостоил Сильви и взгляда. Всё его внимание было приковано к охранникам, грубо тащившим меня. «Эта женщина – моя сестра. Член Стаи Тёмного Леса. Если через три секунды ваши руки всё ещё будут на ней, я отрублю их по запястьям».

Охранники отпрянули так быстро, что едва не споткнулись друг о друга.

Остин скинул пиджак и накинул его на мои дрожащие плечи, заслоняя моё заплаканное лицо от глазевшей толпы. Когда он заговорил снова, его голос разнёсся по каждому уголку

зала. «Позвольте мне кое-что прояснить. Если хоть одна фотография с сегодняшнего... представления... где-либо появится, вам придётся иметь дело не только со мной. Вам придётся отвечать перед юридическим отделом „Вудс Энтерпрайзес“».

В его голосе звучала сталь. Рука на моём плече сжалась почти до боли, но я не отстранилась. Иначе ноги бы снова подкосились.

Затем Остин обратил свои льдисто-голубые глаза на Зейна. «Думаешь, это ты отверг её сегодня? Ты ошибаешься. Вот это...» – он указал на мою сломленную фигуру, а затем на идеальное, невозмутимое самообладание Зейна. – «Это она отвергает тебя. И я обещаю – ты будешь жалеть о сегодняшнем выборе до конца своей жалкой жизни».

Не успел никто и слова сказать, как Остин с лёгкостью подхватил меня на руки, будто я ничего не весила. Я уткнулась лицом ему в грудь, вдыхая его запах – солёные брызги и прогретый солнцем песок с едва уловимой ноткой оружейного масла. Если Зейн был дремучими, таинственными лесами моего детства, то Остин – безжалостным, всеобъемлющим морем. Его присутствие было настолько мощным и постоянным, что до этого момента я почему-то никогда не ценила этого в полной мере.

«Ты была храброй, Пенелопа. Очень храброй», – его голос, низкий и успокаивающий, рокотал у меня в груди.

Я крепче сжала его пиджак, сглатывая горечь, подступившую к горлу.

«Спасибо, Остин».

«Не бойся. Я всегда буду тебя защищать».

Дверца машины открылась. Мгновение спустя рядом со мной проскользнула Харпер, её хватка на моей руке была почти такой же сильной, как у Остина. Когда машина тронулась, салон наполнила тихая музыка – слабая попытка заглушить агонию, всё ещё разрывавшую меня на части. Страдала даже Матильда: наша связь как Целителей объединяла нашу боль.

Мы могли исцелять сломанные кости и кровоточащие раны, но ничто не могло исцелить это.

Нет.

Зейн больше не моя пара.

Горький смешок вырвался у меня, но тут же перешёл в болезненное шипение.

Харпер тут же напряглась. «Ты в порядке?»

Взгляд Остина метнулся ко мне в зеркале заднего вида.

Я стиснула зубы, подавляя крик, и выдавила из себя ложь:

«Я в порядке».

Ложь горчила на языке. Все в машине знали правду. Для обратной разрыв с парой был не просто эмоциональной травмой – это было физиологическое опустошение. Некоторым счастливым парам со временем удавалось оправиться настолько, чтобы снова создать связь. Они находили новую пару. Другие... другие так никогда полностью и не исцелялись. У них больше не будет пары.

ОДНА.

Слово, которое я ненавидела больше всего, теперь снова управляет моей жизнью.

«Не говори. Просто отдыхай. Мы возвращаемся в Чикаго...»

При упоминании Чикаго я слабо подняла руку.

Харпер нахмурилась. «Что такое?»

Я покачала головой. «Я не вернусь».

«Тогда куда?»

Глаза Остина снова встретились с моими в зеркале. На этот раз я выдержала его взгляд – непреклонный, несмотря на боль. Если я смогу убедить его, Харпер уступит.

Как и ожидалось, Остин уступил первым.

«Харпер, почему бы тебе не вернуться первой? Нам с Пенелопой нужно поговорить».

58 Джоанна

ПОВ Наси

«Почему ты не останешься?» – спросил Остин, как только Харпер вышла из машины. В его голосе прозвучало отчаяние, которого я никогда прежде от него не слышала. В его тоне был какой-то надрыв, словно он вот-вот потеряет нечто невероятно ценное, и, в каком-то смысле, возможно, так и было.

Лёгкий аромат сандаловых благовоний витал в воздухе, напомнив мне о дне, когда он подвозил меня домой после выпускного бала. В тот день мы ужасно поссорились – я вспомнила, как собрала всю свою смелость, чтобы потребовать ответа, почему он заставил меня отвергнуть Зейна. Эта сцена прокручивалась у меня в голове, как хорошо отрепетированный фильм: суровое выражение лица Остина и моя собственная возмущённая вспышка. Тогда я была так растеряна и обижена, не в силах понять его мотивы.

Оглядываясь назад, я жалела, что не послушала его. По крайней мере, тогда я бы не оказалась в таком плачевном состоянии.

«Как я могу остаться после всего, что произошло?»

«Пенелопа, если ты беспокоишься о сегодняшнем происшествии...»

«Я не о сегодня», – я избегала его взгляда, уставившись в окно. «Я о том, что случилось между нами. Как я могу продолжать жить рядом с Харпер, будто ничего не произошло?»

Тишина в машине сгустилась.

Чем добрее Харпер была ко мне в последние месяцы, тем сильнее росло моё чувство вины. Она не сделала ничего плохого – она была идеальной Луной, преданной своей паре и достаточно великодушной, чтобы принять даже такую изгнанницу, как я. Хотя я и не хотела, чтобы между нами с Остином что-то произошло, вред уже был причинён. Я не могла и дальше прятаться в тени Харпер, словно воровка, бесстыдно нежась в её тепле.

Тишина в машине сгустилась – неловкая и тяжёлая, она, казалось, длилась целую вечность. Единственными звуками были тихое гудение двигателя машины и редкий шум проезжающих мимо автомобилей. Я чувствовала на себе взгляд Остина, но отказывалась встретиться с ним глазами. Я боялась, что, если сделаю это, то окончательно сломаюсь.

«Пенелопа, мне так жаль. Но тебе не нужно уезжать. Вместо этого уеду я...»

Безрадостный смешок прервал его. «Ты покинешь собственный дом? Бросишь Стаю Темного Леса? Куда пойдёт Харпер? А как же Тео и Айви?»

Впервые я по-настоящему поверила, что этот мужчина меня любит. Он был готов изгнать самого себя – Остин Вудс, гордый, неприкасаемый альфа, который всегда смотрел на меня свысока, – лишь бы я осталась.

Я медленно выдохнула, стиснув зубы, чтобы побороть не утихающую боль, и вышла из машины.

«Что сделано, то сделано. Между нами... считай, что долг уплачен».

И с этими словами я оставила Остина позади. Оставила Стаю Темного Леса. Оставила весь хаос Нью-Йорка.

Четыре года спустя – Халиско, Мексика

«Мама, мы можем купить бананы? Они такие дешёвые – всего 26 песо!» – взволнованный голос Джоанны вырвал меня из мыслей. Я посмотрела на неё: её каштановые кудряшки подпрыгивали, пока она с энтузиазмом указывала на витрину с продуктами. Её изумрудно-зелёные глаза – его глаза – сверкали от восторга. Она была светом моей жизни, единственным, что поддерживало меня в самые тёмные времена.

«Ты и правда очень любишь бананы, да?» – усмехнулась я.

«Угум! Джоанна любит бананы!»

«Хорошо, хорошо», – я подхватила её на руки и направилась к фруктовому отделу. «Давай купим бананов».

Да, Джоанна была ребёнком Зейна. Я поняла, что беременна, лишь через четыре месяца после приезда в Халиско. Из-за душераздирающей боли отторжения и постоянных кошмаров, в которых снова и снова проигрывалась та ужасная сцена, я почти не ела и не спала. Когда у меня прекратились месячные, я списала всё на стресс – пока не началась тошнота.

Тест подтвердил: я носила в себе последствие той ночи в снегу.

Я была опустошена. Честно говоря, я не хотела этого ребёнка. Дело было не в деньгах – Остин дал мне щедрую сумму перед моим отъездом и с тех пор ежемесячно пополнял мой счёт. Нет, я боялась произвести на свет нежеланного ребёнка. Жизнь – это не сказка; быть матерью-одиночкой тяжело, особенно когда я и сама едва чувствовала себя взрослой. Как я могла гарантировать, что стану хорошей матерью?

И какой ребёнок захочет расти без отца?

Как я объясню ей, что её отец выбрал другую женщину?

Я не могла.

Поэтому я записалась на процедуру.

Но когда я лежала на столе в клинике, глядя на зернистое изображение УЗИ – видя это крошечное, упрямое сердцебиение, – что-то в моём разбитом сердце дрогнуло.

Она была такой маленькой. Такой решительно настроенной жить.

В самую последнюю секунду я передумала. Я сбежала из той клиники со своим «нежеланным» ребёнком, поклявшись: «Если никто другой тебя не благословит, я буду первой».

Теперь я каждый день благодарила богов за то, что сохранила её. Джоанна принесла столько радости и смысла в мою жизнь. Она была моим всем, и я была готова на всё, чтобы защитить её и подарить ей счастливую жизнь.

«Мама! Можем сегодня посмотреть „Коко“?» – Джоанна обхватила меня за шею и прошептала тёплым дыханием мне на ухо: «Я думаю, может, я так смогу встретить папу». Её слова застали меня врасплох, и моё сердце сжалось от невинности этого заявления.

«...Ты скучаешь по нему?» – мой голос дрогнул, когда я задала этот вопрос, боясь её ответа.

«Нет», – она уткнулась носом в моё плечо. «Ты же сказала, что папа умер. Я его никогда не видела, так как же я могу по нему скучать? Мне просто интересно, как он выглядел». Её милый голосок пронзил меня насквозь. Я почувствовала укол вины за то, что солгала ей, но я думала, что так будет лучше. Я не хотела подвергать её боли и горю, которые принесла бы правда.

«А что, если я найду тебе нового папу?» – спросила я, пытаясь сменить тему и разрядить обстановку.

«Хорошо!» – она тут же оживилась. «Но он должен быть высоким и красивым! И он должен...»

Мой телефон резко зазвонил, прервав её. Я выудила его из сумки и ответила, но меня встретил обезумевший мужской голос:

«Доктор Фаннинг! Моя жена... её состояние резко ухудшается!» От тревоги в его голосе у меня по спине пробежал холодок. Я знала, что должна действовать быстро. Без колебаний я схватила Джоанну за руку и бросилась из супермаркета.

59 Отец

Нася POV

Внутри дома лучи предзакатного солнца пробивались сквозь пыльные окна. Женщина средних лет с огромным, раздутым животом распласталась на потёртых диванных подушках. Её дыхание было поверхностным и прерывистым, она то приходила в себя, то снова теряла сознание.

Отправив Джоанну на второй этаж за Орионом, я поспешила осмотреть женщину. Её состояние сразу вызвало у меня беспокойство: болезненно-жёлтый оттенок кожи резко контрастировал с выцветшей цветочной обивкой, а белки полуприкрытых глаз приобрели неестественный золотистый оттенок. Когда я прижала ладонь к её лбу, жар, исходивший от сухой кожи, был таким сильным, что я едва не отдернула руку. У неё, должно быть, был опасно высокий жар.

– Это желтуха, – сказала Матильда, спустившись вниз и бросив на неё беглый взгляд. – Вероятно, у неё талассемия.

Для беременной женщины талассемия может стать серьёзной проблемой. Некоторым везёт, и они благополучно рожают здоровых детей без какого-либо медицинского вмешательства, в то время как другим грозит выкидыш или рождение детей с генетическими заболеваниями.

– Пожалуйста, доктор Фаннинг, – взмолился обезумевший от горя муж, поджарый азиат по имени Майк, чьи чёрные волосы влажно прилипли к вискам. Его мозолистые руки нервно сжимались перед собой, а капли пота стекали по его загрубевшей шее. – Есть ли какое-нибудь лечение? Хоть что-нибудь, что вы можете сделать для моей жены? – От отчаяния в его голосе акцент стал сильнее, а сухие губы трескались, пока он произносил слова.

– Подождите за занавеской, – велела я самым спокойным тоном, указывая на импровизированную перегородку, которую мы повесили в приёмной. Когда цветастая ткань за ним сомкнулась, я настроила дребезжащий кондиционер, чтобы справиться с удушающей дневной жарой. – Присядьте в зоне ожидания. Мы сообщим вам, когда закончим.

– Матильда, сходи наверх и проверь Джоанну и Ориона. – Мой материнский инстинкт встрепенулся при мысли о том, что двое детей остались одни в комнате, пусть даже на несколько минут.

– Ты справишься одна?

– Я и с более сложными случаями с завязанными глазами справлялась, – уверила я её с большей уверенностью, чем чувствовала на самом деле, наблюдая, как её могучая волчья фигура скрывается на скрипучей лестнице, прежде чем снова обратить своё внимание на женщину без сознания.

Присев на край дивана, я осторожно взяла безвольную руку пациентки в обе свои. Контраст между оттенками нашей кожи был поразительным: её желтушная желтизна на фоне моей бледности. Закрыв глаза, я начала шёпотом произносить древнее исцеляющее заклинание, чувствуя, как знакомое покалывание магии собирается в моих ладонях. Слова текли, словно подземная река, их сила пульсировала через мои пальцы и проникала в кровоток больной. Почти мгновенно я почувствовала, как спадает сильный жар, а температура её тела начала стремительно приближаться к норме. Однако характерная жёлтая бледность упрямо не исчезала, её кожа всё ещё сохраняла восковой, неестественный оттенок тяжёлой желтухи.

Поднявшись с дивана, я целенаправленно направилась к дубовому аптекарскому шкафу в углу, за стеклянными дверцами которого виднелись ряды аккуратно подписанных бутылочек. Мои пальцы порхали по различным ёмкостям, прежде чем я выбрала несколько витамин-

ных добавок: комплекс витаминов группы В, таблетки железа и несколько других безвредных плацебо.

С тех пор как я переехала в Халиско и оставила свою жизнь оборотня позади, я кропотливо адаптировала свои методы исцеления, чтобы они выглядели убедительно по-человечески. Больше никаких мгновенных чудесных исцелений, которые могли бы вызвать подозрения. Вместо этого я научилась модулировать действие своей магии, растягивая то, чего можно было достичь за секунды, в постепенные улучшения, длящиеся дни или недели. Витамины были всего лишь уловкой.

Примерно через тридцать минут я отдернула занавеску и протянула Майку разномастные, ярко окрашенные витамины.

– Ваша жена теперь в сознании, – объявила я своим самым профессиональным тоном. – Жар полностью спал. Давайте ей эти добавки три раза в день во время еды, и симптомы желтухи постепенно пройдут. – Я намеренно не уточнила сроки – лучше позволить природе (а точнее, моей отложенной магии) забрать все заслуги.

Майк принял таблетки с благоговением верующего, получающего святыне реликвии, его загрубевшие от работы руки образовали дрожащую колыбель. – Gracias, доктор Фаннинг, – выдавил он из себя, кланяясь так низко, что его лоб почти касался коленей. – Я никогда не смогу отплатить вам за эту милость. Без вашей помощи я не знаю, что стало бы с моей Марией...

– Просто позаботьтесь о том, чтобы она отдохнула дома, – мягко прервала я его, подталкивая к двери, где ждала его пришедшая в себя жена. Она тяжело опиралась на дверной косяк, но ей было заметно лучше. С крыльца я наблюдала, как Майк почти нёс свою жену по дорожке, их силуэты уменьшались в золотистом свете дня, прежде чем исчезнуть за углом Калле Морелос.

Как только дверь за мной щёлкнула, я обмякла и прислонилась к стене, напряжение дня на мгновение покинуло мои плечи. Затем, вспомнив о спящей дочери, я тихо поднялась по лестнице, и каждая ступенька тихо скрипела под моим весом.

– Они ушли? – голос Матильды донёсся из тусклой спальни, едва слышный, почти шёпот.

– Ага. – Джоанна уже спала. Она была похожа на маленького ангела, лежащего на животе Матильды. Орион тоже спал рядом с ней. Его прямые каштановые волосы гладко прижимались к лицу. Черты его лица были такими же изысканно красивыми, как у Эльды, и большую часть времени люди принимали его за девочку. Я подошла и тоже осторожно прислонилась к Матильде. Пушистая шерсть Матильды была словно облако, с уникальным запахом, в котором смешался аромат самой Матильды и солнечного света.

Прислонившись к Матильде и двум маленьким детям, я ощутила в сердце небывалое чувство полноты и счастья. Все унижения четырёхлетней давности рассеялись как дым, и все шрамы давно зажили.

– Ты играешь в опасную игру, – пробормотала Матильда, её голос вибрировал в груди и отдавался в моей щеке, прижатой к её боку. – Продолжишь творить эти «чудеса», и скоро весь Халиско будет ломиться к тебе в дверь в поисках целительного прикосновения чудесного доктора Фаннинг.

Я ленивым жестом отмахнулась от её беспокойства. – В этот раз я приняла меры предосторожности. Инсценированный осмотр, отложенные результаты, шарада с витаминами – всё это очень похоже на убедительную человеческую медицину. – Я бездумно чертила узоры на её шерсти. – Кроме того, мои пациенты – в основном обедневшие местные жители или мигранты без документов. У них нет ни средств, ни желания привлекать внимание к неортодоксальным методам какой-то целительницы из захолустья.

Из горла Матильды вырвался рокошующий смешок. – Эти разноцветные таблетки-плацебо были особенно удачной деталью, – со смешком признала она, хотя в её взгляде не было веселья.

– Что тебя на самом деле беспокоит? – спросила я, говоря едва слышным шёпотом, чтобы не потревожить мирный сон Джоанны.

Матильда замялась, её золотые глаза на мгновение метнулись в сторону, прежде чем снова встретиться с моими. – Я сегодня кое-что видела в «Гвадалахарском вестнике», – осторожно начала она. – Про Зейна. И Сильви. – Пауза. – Их свадьба до сих пор не состоялась.

Это имя ударило меня, словно физический удар, и весь воздух с шумом вырвался из моих лёгких. Может, и прошло четыре года, но некоторые раны никогда не заживают полностью.

– Ты не думала с ним связаться? Может, отвезти Джоанну, чтобы познакомиться...

– Нет. – Слово прозвучало резче, чем я хотела, из-за чего Джоанна слегка пошевелилась, но потом снова затихла. Я продолжила более сдержанным тоном: – Меня не интересует ни их помолвка, ни их свадебные планы, ни что-либо ещё из его жизни. Когда Зейн сделал свой выбор, это был конец нашей истории. – Окончательность в моём голосе удивила даже меня саму.

– Но что, если были смягчающие обстоятельства? – настаивала Матильда. – Четыре года – это необычно долгая помолвка. Может, он передумал...

– Или, может, он всё тот же боящийся обязательств оборотень, который разбил мне сердце, – горько прервала я. С моих губ сорвался резкий смешок. – Знаешь, почему я выбрала именно Халиско? Он кишит людьми и почти лишён нашего вида. Я хотела максимально отдалиться от всего мира оборотней.

Матильда тяжело выдохнула через нос – знак неохотного согласия. – Твоя жизнь, твой выбор, – уступила она, укладывая свою массивную голову на лапы и закрывая глаза в явном смирении. Как только я начала выбирать, чтобы вернуться вниз, её голос остановил меня: – Но биологии нет дела до твоих обид. Он всегда будет отцом Джоанны.

Эти слова заставили меня замереть на полпути, когда одна нога уже была на верхней ступеньке. В моей голове эхом отозвался невинный вопрос Джоанны, заданный тем утром: «Мама, почему у меня нет папы, как у других детей?»

Да, ребёнку нужен отец – но только если этот отец способен её любить. У Зейна не было права быть отцом Джоанны. Прежде чем приехать в Халиско, я попросила Остина никому не раскрывать моё местонахождение, именно для того, чтобы разорвать все связи с Зейном. Теперь, когда здесь была Джоанна, причин связываться с ним было ещё меньше.

Я спустилась вниз и села на тот же диван, где раньше лежала беременная женщина. Подушки всё ещё хранили слабое тепло и затяжной запах болезни. Беспокойство кололо кожу, как неудобный свитер. В поисках отвлечения я схватила телефон с приставного столика и, разбудив его, начала пролистывать заголовки местных новостей.

Внезапно экран засветился входящим звонком от Остина – необычное явление, от которого по моей спине тут же пробежал холодок беспокойства. За четыре года моего добровольного изгнания Остин уважал мои границы, связываясь со мной только в случае крайней необходимости. Появление его имени на моём экране в такой час не могло означать ничего хорошего.

Я провела пальцем по экрану, чтобы ответить, и прижала устройство к уху. – Алло?

Тишина.

– Алло? Остин? – повторила я, на этот раз громче. По-прежнему ничего, кроме мёртвой тишины в трубке. Как только мой палец потянулся, чтобы завершить вызов, на линии наконец раздался срывающийся голос – обычно уверенный баритон Остина теперь был густым от того, что могло быть только слезами.

– Нася... – прерывистый вздох. – Он... Бог мой, Пенелопа, Тео мёртв.

60 Похороны

Нася ПОВ

– Мамочка, куда мы сейчас идём? Я хочу спать, – сонно спросил Орион, сжимая в одной руке маленькую ручку Джоанны, а в другой – её белого кролика от Желликэт. Его веки тяжело трепетали, словно налитые свинцом, а крошечное тельце слегка покачивалось от усталости. Оба ребёнка изо всех сил старались не заснуть, их личики покраснели от усталости, а дыхание сбивалось, вырываясь тихими, прерывистыми вздохами. Я протянула руку и нежно погладила Ориона по голове, пытаясь его успокоить, но моё сердце сжималось от осознания того, что нас ждёт впереди.

– В Чикаго.

– В Чикаго? Почему? А где это, мамочка? – Большие, кошачьи глаза Джоанны с невинным любопытством моргнули, глядя на меня.

Этот взгляд тронул меня до глубины души, и меня пронзил острый укол вины и скорби. Тео был всего на год или два старше Джоанны – примерно ровесником Ориона. Воспоминание о нём было таким ярким, словно он стоял прямо рядом с нами.

Когда я видела его в последний раз, он был совсем крохой, цеплялся за мои ноги и крепко обнимал меня своими пухлыми ручками. Как я могла объяснить своей дочери, что её двоюродный брат теперь лежит, холодный, в гробу? От этой мысли у меня всё внутри перевернулось. Я сделала глубокий вдох, пытаясь собраться с мыслями, прежде чем ответить ей, но слова застряли у меня в горле.

Самолёт приземлился в Чикаго точно по расписанию. Разместив Джоанну, Ориона и Матильду в отеле, я сразу же помчалась в похоронную церковь. Вся дорога туда прошла как в тумане, мои мысли были поглощены предстоящей сценой. Когда я вошла в двери церкви, меня накрыло чувство торжественной скорби.

А там, в душераздирающе маленьком гробике, лежал Тео. Его золотистые кудри были аккуратно причёсаны, не было видно ни следа крови. Никакие пулевые ранения не портили его умиротворённого выражения лица – казалось, он мог просто спать, ангельский ребёнок, задремавший днём.

Воспоминание о том, как он обнимал мои колени и хихикал: «Тётя Пенелопа!», пронзило мою грудь жгучей болью.

Я на мгновение закрыла глаза, пытаясь сдержать слёзы, готовые хлынуть наружу. Как? Как такое могло случиться с такой чистой душой? У кого хватило бы духу убить такого милого ребёнка? Эти сумасшедшие люди...

– Ты и вправду посмела здесь показаться! – прошипел за моей спиной резкий шёпот. Я обернулась и увидела Софию. Четыре года не пощадили её. Некогда элегантная светская львица теперь выглядела измождённой и хрупкой, её губы были тонкими и потрескавшимися, несмотря на очевидные усилия косметики. Глубокие морщины – из тех, что не сотрёт ни один дерматолог – навсегда избороздили её лоб. Её глаза ввалились, под ними залегли тёмные круги, а кожа приобрела желтоватый, нездоровый оттенок. Что бы ни случилось за эти годы, оно заострило её черты, сделав их почти хищными.

– Сначала ты без единого слова восстала из мёртвых, а потом устроила ту позорную сцену на свадьбе! – её глаза нервно забегали по сторонам, словно одно моё присутствие могло спровоцировать новый скандал. – Ты хоть представляешь, какой бардак пришлось разгребать Остину из-за тебя? – её голос был полон яда, каждое слово – словно кинжал, вонзающийся мне в сердце.

Для меня это было новостью – Остин прикрывал мои ошибки.

Из меня вырвался холодный смешок. Она прекрасно знала, что я была парой Зейна, и всё равно изрыгала эти ядовитые слова. Доказательство, если оно вообще было нужно, того, что она никогда меня не любила.

В её представлении она выполнила свой долг. В отличие от других родителей-оборотней, которые бросали своих детей-омег, она давала мне еду и кров. Годами я верила ей – принимала её пощёчины и оскорбления как расплату за смерть моего отца.

София была первой, кто научил меня, что я ничего не заслуживаю.

Но воспитание Джоанны и Ориона открыло мне правду: дать ребёнку кров и еду – этого недостаточно. Настоящая любовь – это защита любой ценой. Так, как любил меня мой отец. Я не была в пожизненном долгу за то, что выжила. София никогда не была настоящей матерью.

– А тебе-то что? – мой голос оставался до жути спокойным.

– Что?! – У неё буквально отвисла челюсть, пока она разглядывала меня, наконец осознавая, что робкой дочери, которую она знала, давно нет.

– Мы перестали быть семьёй в ту ночь, помнишь? Ты сказала, что никогда не хотела видеть во мне дочь. Что ж, знаешь что? Я тоже не хочу видеть в тебе мать. Теперь моё имя – Нася Фаннинг. Я больше не твоя безволчья дочь Пенелопа Вудс.

Она безрадостно хмыкнула. – И как именно ты собираешься выживать без меня?

– Я прекрасно справлялась все эти годы.

– Не обольщайся, – её руки дрожали от сдерживаемой ярости – я видела, что она хочет меня ударить. – Ты – ничто без меня. Даже собственную пару удержать не смогла!

Хотя старые раны и затянулись шрамами, память об отвержении Зейна всё ещё оставалась со мной.

– Да кем ты себя возомнила, ведёшь себя так высокомерно? – слюна брызгала с её губ, лицо залилось уродливым румянцем. – Безволчья омега – низшая из низших. Конечно, твоя пара тебя отвергла! Точно так же, как и я! И я была права, что...

Шесть лет назад эти слова разбились бы меня вдребезги. Теперь же я чувствовала лишь жалость. София была трусихой, слишком слабой, чтобы признать собственные неудачи. Обвинять меня было проще, чем заниматься самоанализом.

Внезапно спорить показалось бессмысленным. Мне больше нечего было ей сказать. Я высказала всё, что было нужно, и покончила с этими токсичными отношениями. Я повернулась, чтобы уйти, с прямой спиной и высоко поднятой головой.

– Нася...

Сломленный голос Остина остановил меня на полушаге.

Он выглядел... опустошённым. Красные прожилки паутиной покрывали его налитые кровью глаза, а его обычно гордые плечи были опущены. В его золотистых волосах теперь пробивались седые пряди – то, чего я никогда не видела, даже когда он был на волосок от смерти.

– Остин... – мой голос прозвучал хрипло, все заготовленные соболезнования были забыты, когда он внезапно заключил меня в сокрушительные объятия.

Его руки с отчаянной силой сомкнулись вокруг меня, словно пытаясь срастить наши кости воедино. Запах его горя – пота, виски и чего-то, пахнущего океаном – наполнил мои ноздри, когда он уткнулся лицом в мои волосы.

Я неуверенно похлопала его по спине, но, подняв взгляд, увидела внушительную фигуру Зейна, заполнившую собой дверной проём.

61 Он разорвал помолвку

От лица Наси

Моё сердце судорожно сжалось, словно его стиснул невидимый кулак – та же нутряная агония, что я испытала четыре года назад, когда брачная связь между нами раскололась.

Время почти не ослабило внушительное присутствие Зейна. Его фигура вырисовывалась в арочном дверном проёме церкви, словно он был каким-то падшим ангелом, а его широкие плечи почти полностью заполняли собой пространство. Полностью чёрный наряд – сшитый на заказ костюм, шёлковая рубашка, даже галстук – должен был бы выглядеть на похоронах траурно. Вместо этого он придавал ему ауру опасной элегантности; ткань туго обтягивала его мускулистую фигуру, когда он шагнул вперёд. Лунный свет, пробивавшийся через витражные окна, отбрасывал радужные тени на его резкие черты лица, подчёркивая те самые гипнотические зелёные глаза, в которых когда-то был заключён весь мой мир. Теперь они излучали лишь холод.

Руки Остина защищающе сжались вокруг меня, прежде чем он повернулся к незваному гостю. Я почувствовала тот самый миг, когда он узнал Зейна – всё его тело одеревенело, а мышцы на его спине под моими пальцами напряглись, словно стальные тросы.

– Кто, чёрт возьми, тебя пригласил? – голос Остина разнёсся по огромному нефу, отражаясь от сводчатых потолков. – Насколько я помню, похороны членов Стаи Темного Леса – частное дело.

Горстка оставшихся скорбящих – в основном пожилые члены стаи, пришедшие отдать дань уважения – обернулась на шум. София подошла к ним и, бормоча успокаивающие слова, проводила их к выходу, оставив нас четверых среди мерцающих поминальных свечей – меня, Остина, Зейна и маленькое, укрытое простынёй тельце Тео.

Зейн подошёл ближе без приглашения, его итальянские кожаные туфли цокали по мраморному полу. «Мои соболезнования вашей утрате», – гладко произнёс он, хотя его взгляд был прикован ко мне. В этих изумрудных глубинах было что-то тревожное – не то холодное безразличие, которое я помнила, а бушующая буря эмоций, которую он не мог до конца скрыть.

Я сосредоточилась на том, чтобы поправить свои чёрные кружевные перчатки, делая вид, что не замечаю, как его внимание обжигает мою кожу.

Остин сделал шаг, преграждая Зейну путь, и его аура альфы исходила от него ощутимыми волнами. «Ты высказал свои пустые любезности. А теперь убирайся».

Приказ должен был прозвучать непререкаемо. Однако Зейн лишь наклонил голову набок, и эта его выводящая из себя ухмылка заиграла на губах. «Я расторг помолвку с Сильви».

Эти слова оглушили меня, как удар. Вопреки себе, у меня перехватило дыхание, пальцы дёрнулись на руке Остина, за которую я всё ещё цеплялась. В памяти тут же всплыли теории Матильды – её настойчивые утверждения, что политический брак Зейна всегда был продуманным ходом. Но зачем объявлять об этом сейчас? Здесь?

– Пенелопа, – продолжил Зейн, делая ещё шаг. – Насчёт того дня четыре года назад, когда я...

Кулак Остина врезался в челюсть Зейна прежде, чем тот успел закончить. Треск кости о кость эхом пронёсся по храму, спугнув стаю голубей, вспорхнувшую с балок под крышей. Зейн пошатнулся и отступил, едва удержавшись за церковную скамью.

– Я сказал, держись от неё, блядь, подальше! – голос Остина перешёл на гортанный рык, его клыки удлинились, когда он начал терять контроль.

То, что последовало дальше, было не дракой, а жестоким избиением. Остин двигался со смертоносной точностью, и в каждом ударе были четыре года сдерживаемой ярости. Поначалу Зейн занял оборонительную позицию, блокируя удары и уклоняясь со сверхъестественными

рефлексами, но по мере того, как удары продолжались, он начал драться в ответ. Их потасовка переросла в жестокую драку – уклонение, контрудар, атака.

– Ты больной ублюдок! – взревел Остин, нанеся особенно жестокий удар по почкам. – Все эти годы твои лакеи следили за каждым её шагом – какого чёрта?

Зейн вытер кровь с разбитой губы, рана уже заживала. «Она моя пара». Слова прозвучали сдавленно, но непоколебимо.

– Уже нет! – Остин схватил Зейна за разорванный воротник и впечатал его в каменную колонну. – Ты сам разорвал эту связь, когда унизил её перед всеми стаями. Или твою избирательную память нужно освежить?

Тень неподдельной муки промелькнула на лице Зейна, прежде чем его маска высокомерия вернулась на место. Он схватил Остина за запястье с силой, способной сломать человеческие кости.

– Ты влюблён в неё. И не как брат. – Хотя это и прозвучало как предположение, его тон не оставлял сомнений.

ХРУСТ.

Следующий удар Остина снова разбил Зейну губу, хотя рана зажила почти мгновенно. Зейн лишь рассмеялся, и в его смехе сквозило снисхождение.

– Я так и знал. Ты хочешь заполучить её себе.

Эта насмешка лишила Остина остатков разума. Он рывком поднял Зейна за разорванную рубашку.

– И что, если так? По крайней мере, не я выбросил её, как мусор!

Когда они снова приготовились к бою, сцена в моём сознании наложилась на ту ужасную ночь в отеле – я, забившаяся в угол, пока эти двое пытались убить друг друга из-за меня. Тогда вмешалась Харпер. Тогда я была слишком ослеплена любовью, чтобы увидеть правду о любом из них.

– СТОЙТЕ!

Мой крик прогремел по священному месту, заставив обоих альф замереть. Я втиснулась между ними, с неожиданной силой отталкивая их в грудь.

Впервые за четыре года встретившись с Зейном взглядом, я медленно и отчётливо произнесла: «Сегодня мы хороним моего племянника. Если ты пришёл отдать дань уважения, сделай это молча. Если нет – уходи».

Что-то в выражении лица Зейна надломилось. Он инстинктивно потянулся ко мне, но тут же одёрнул руку. «Разве ты не хочешь знать, почему я согласился жениться на Сильви? Или почему расторг помолвку?»

Вопросы повисли между нами, полные скрытого смысла. Теории Матильды о политических союзах и скрытых мотивах внезапно показались куда более правдоподобными. Но это не имело значения. Связь между нами обратилась в пепел. Даже если у него были причины, даже если он обо всём жалел – как могло моё мёртвое сердце снова забиться для него?

А Остин... Несмотря на все его прошлые ошибки, он провёл четыре года, искупая вину. Уважая мои границы. Сдерживая обещания. Защищая Джоанну и меня, ничего не ожидая взамен.

Вот что действительно имело значение сейчас.

Никакой грандиозный романтический жест не мог исправить прошлое. Мне не нужен был сказочный принц, которому я бы слепо поклонялась – мне нужен был равный, который видел во мне нечто большее, чем просто пару или собственность. Это выстраданное понимание потребовало двадцати шести мучительных лет, чтобы его усвоить.

– Нет, – твёрдо сказала я, переплетая свои пальцы с пальцами Остина. Его рука в моей слегка дрожала. – Меня не волнуют твои причины.

Когда я отвернулась, то заметила боковым зрением движение – Харпер застыла в дверях исповедальни, её лицо было бледным от шока. Как много она видела? Слышала? Букет белых лилий, который она держала, выскользнул из её рук, и лепестки разлетелись по каменному полу, словно упавший снег.

62 Жестокая хватка

ПОВ Наси

Тук-тук... тук-тук...

Моё сердце бешено колотилось о рёбра, словно перепуганный оленёнок, вслепую убегающий от охотников. Впервые за многие годы я тонула в панике, смешанной с чувством вины: Харпер, которая не проявляла ко мне ничего, кроме доброты, когда весь остальной мир отвернулся, теперь стояла передо мной, и по её лицу ручьями текли слёзы, а виновата в этом была я.

«Что ты хочешь этим сказать?» Бледность кожи Харпер делала её почти прозрачной в тусклом свете свечей, а её обычно румяные губы теперь были бескровными и дрожали. «Ты... ты любишь её? Не как члена семьи, а как свою пару?»

«Харпер, это не то, что ты думаешь. Дай мне объяснить...» – я отпустила руку Остина и шагнула к ней, протягивая свою, но она оттолкнула меня.

«Не трогай меня!»

Неуверенными шагами Харпер подошла к Остину. Она выглядела такой хрупкой, словно один порыв ветра мог сбить её с ног, но держалась прямо, высоко вскинув подбородок, несмотря на опустошение во взгляде. Даже в своей панике я невольно видела разницу между нами: Харпер никогда не отступала, даже в самые тяжёлые моменты. Она всегда боролась. А я тем временем годами уходила в себя.

«Ответь мне честно, – потребовала она. – Та драка с Зейном шесть лет назад в „Сент-Риджис“ – она была из-за Пенелопы, ведь так?»

Желваки на скулах Остина беззвучно заходили, а кадык дёрнулся, когда он с трудом сглотнул. Но он не произнёс ни слова. Тишина между ними затянулась, плотная и удушающая, пока Харпер не устремила на меня свой разбитый голубой взгляд.

«Тогда скажи ты, – произнесла она, и её голос треснул, как тонкий лёд. – Он влюблён в тебя, да? Все эти годы?»

Кап... кап... кап...

Как только эти убийственные слова сорвались с её губ, слёзы, которые она сдерживала, хлынули наружу, прочертив блестящие дорожки на её бледных щеках. Каждая капля, падавшая на полированный мраморный пол, казалось, взрывалась, словно выстрел в гулком пространстве, и этот звук тысячекратно отдавался в моей терзаемой виной совести.

Соври! – кричал мой разум. – Скажи ей, что это неправда!

Я пыталась выдавить из себя слова, но горло свело спазмом. Вместо этого я могла лишь стоять, сжав кулаки так сильно, что ногти до крови впились в ладони, и крепко зажмурившись.

«Ха... ха-ха-ха...» – Харпер издала пустой, надрывный смешок, и на её лице отразилось горькое осознание. – «Тогда позволь спросить вот о чём: после того, как я вышла за него, вы двое хоть раз предали меня?»

От ужаса я широко распахнула глаза.

Я хотела возразить, настоять, что чувства Остина ничего не значат, но правда была в том, что мы перешли черту. Как бы я этому ни противилась, я всё же находила удовольствие в его прикосновениях. Я не была невинна.

«Я должна была догадаться, – выплюнула Харпер, её голос дрожал от ярости. – Ты звал её имя во сне. Любая весточка о ней приводила тебя в неистовство. Я думала, это просто братская преданность, но за этим всегда скрывалось что-то грязное, да?»

«Какой же я была душой, – продолжала она, и её голос сочился ненавистью к себе. – Узы пары ослепили меня. Заставили поверить в эту счастливую сказочку».

«А я ведь тебе доверяла, – сказала она, устремив на меня полный слёз взгляд. – Впустила тебя в свой дом. Относилась к тебе как к сестре».

«О чём вы двое только думали? Смеялись у меня за спиной?»

«Харпер, Пенелопа не виновата. Это всё моя вина...» – Остин шагнул вперёд, но, не успев он договорить, как рука Харпер метнулась к нему.

ШЛЁП!

Звук пощёчины эхом разнёсся по церкви. Голова Остина мотнулась в сторону, но он не произнёс ни слова в свою защиту.

«Ты отвратителен, – выплюнула Харпер, яростным жестом вытирая слёзы тыльной стороной ладони. – Ваша извращённая интрижка воняет, как помои. Убирайтесь. Сегодня похороны моего сына, и вам здесь не рады». Она указала на меня, а затем на Остина, её голос стал стальным. «Лишь потому, что ты отец Тео, я позволю тебе остаться на погребение. Но не принимай это за прощение. Как только всё закончится, мы разводимся».

Категоричность в её тоне не оставляла места для возражений. Мой взгляд лихорадочно метался между Остином и Харпер, мысли путались – как всё могло так быстро рухнуть? Эта тайна должна была остаться похороненной навсегда. Харпер только что потеряла ребёнка, а теперь я отняла у неё и мужа. Тяжесть моего предательства грозила раздавить меня.

Прежде чем я успела что-либо сообразить, железная хватка сомкнулась на моём запястье и потащила меня к выходу. Я осознала присутствие Зейна, лишь когда холодный вечерний воздух ударил мне в лицо, возвращая в реальность.

«Отпусти!» – Я забилась в его хватке, но Зейн лишь сильнее сжал руку, практически дотавив меня до ожидавшего седана. Он с поразительной силой затолкал меня на заднее сиденье, а затем залез следом и зажал меня между своих рук, не давая сбежать.

«Что между вами произошло?» – его голос был низким и опасным, а горячее дыхание опаляло моё лицо. Когда я не ответила сразу, его рука метнулась вперёд и схватила меня за подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза. – «Ты. С ним. Спала?»

Ярость в этих изумрудных глазах была вулканической, её жар почти обжигал кожу. На одно безумное мгновение я подумала, а не обратится ли он прямо здесь, в машине, и не вырвется ли его волк на свободу, чтобы перегрызть мне глотку.

Затем реальность обрушилась на меня. «Он не имеет права злиться», – напомнила я себе. Это он отверг меня на глазах у сотен людей. Сказал, что ничего ко мне не чувствует. Разорвал узы пары без малейших колебаний.

С намеренной медлительностью я отвернулась, высвобождаясь из его хватки, и когда наконец заговорила, мой голос был ледяным: «Это не твоё дело».

Едва эти слова сорвались с моих губ, как рука Зейна сомкнулась на моём горле – не настолько сильно, чтобы перекрыть воздух, но достаточно, чтобы предельно ясно донести свою мысль. Его зрачки полностью расширились, а клыки начали удлиняться, пока он терял контроль. «Ты ответишь мне, Пенелопа».

63 Она убила нашу Луну

ПОВ Наси

– Это не твоё дело!

– Что ты сказала? – Угроза в его голосе была безошибочной, он вибрировал от едва сдерживаемой ярости, отчего воздух между нами, казалось, был заряжен электричеством.

Щёки залил жар, а по венам хлынул адреналин. Я отказалась отступить, встретив его хищный взгляд с такой же свирепостью. Ногти впились в ладони, оставляя на них полумесяцы.

– Я сказала, это не твоё дело! – мой крик эхом разнёсся по тесному салону автомобиля.

Прежде чем я успела среагировать, Зейн обрушился на меня, как удар грома. Его рот впился в мой в том, что едва ли можно было назвать поцелуем – это было клеймо, наказание, замаскированное под страсть. Его зубы впились в мою нижнюю губу с достаточной силой, чтобы пошла кровь, и медный привкус заполнил мой рот, когда я ахнула от его натиска.

– Ты с ума сошёл? Отстань от меня! – изо всех сил я заколотила кулаками по его гранитной груди, но он с тем же успехом мог быть высечен из мрамора – эффекта не было никакого. Вынужденная терпеть это жестокое присвоение, я почувствовала, как по моим венам, словно лесной пожар, вспыхнула испепеляющая ярость.

Как он смеет? Этот мужчина, который обращался со мной как с одноразовой вещью, который унизил меня на глазах у сотен свидетелей, который годами эксплуатировал мою преданность – что дало ему право прикасаться ко мне сейчас? Это осознание придало мне сил, чтобы крепко укусить его вторгшийся в мой рот язык.

Между нами расцвела кровь, металлическая и острая на вкус. Зейн отшатнулся с прошипенным проклятием, поднеся руку ко рту. Хотя рана зажила почти мгновенно – эта проклятая регенерация оборотня – на его лице отразилось чистое недоверие, словно в этом сценарии сумасшедшей была я.

– Ты и вправду спятила, – прохрипел он, вытирая рот тыльной стороной ладони.

– Это тебе нужна психиатрическая экспертиза, – выпалила я в ответ, вытирая собственную кровоточащую губу. Жжение только подстегнуло мой гнев. – Четыре года стёрли твоё понимание элементарного согласия? Или тебе с самого начала было наплевать?

– Какого чёрта ты...

– Я больше не твоя пара! – слова вырвались из моего горла, грубые и гортанные. – Или ты забыл, как предельно ясно дал это понять на своей помолвке? Связь исчезла. Теперь мы чужие. Так что выпусти меня из этой грёбаной машины!

Чем больше я говорила, тем сильнее разгорался мой гнев. Я пожалела, что не взяла с собой Матильду – как приятно было бы смотреть, как она вцепится в это высокомерное лицо.

Зейн нахмурившись изучал меня, словно я была капризным ребёнком, устроившим истерику. – Ты всё ещё расстроена из-за этого, не так ли? Я же сказал, что могу всё объяснить. Помолвка с Сильви никогда не была...

Насмешливый смех прервал его. – Знаешь что? Твои причины не имеют значения. Мне всё равно, спасал ли ты мир или расширял свою корпоративную империю. Ничто не оправдывает того, что ты сделал со мной. – Я выдержала его непоколебимый взгляд, вкладывая каждую унцию своей убеждённости в следующие слова: – Самое главное, моё сердце больше не замирает от тебя.

Зейн совершенно замер. Эти завораживающие зелёные глаза потемнели, превратившись в бездонные омуты, в которых кружились эмоции, которые я не могла – или не хотела – расшифровать. Когда я двинулась к выходу, его рука метнулась вперёд и схватила меня за запястье как раз в тот момент, когда зазвонил мой телефон, упавший на сиденье.

Дзинь-дзинь... Дзинь-дзинь...

Экран телефона засветился, в центре высветилось слово «Малыш», а над ним – фотография Джоанны.

Я рванулась за ним, но Зейн оказался быстрее. Он выхватил телефон и ответил прежде, чем я успела среагировать.

– Что ты делаешь? – прорычала я, сделав ещё одну попытку выхватить телефон, от которой он легко увернулся, подняв его над моей головой.

В то же время из телефона донёсся милый голос Джоанны: «Мамочка, с кем ты разговариваешь? Когда ты вернёшься домой?»

– Верни! – прошипела я сквозь стиснутые зубы.

Лицо Зейна заледенело. Не говоря ни слова, он завершил звонок.

– Ты в своём уме? – пощёчина прилетела прежде, чем я успела себя остановить.

Голова Зейна дёрнулась в сторону. Мой ноготь рассёк его идеальную нижнюю губу. Его язык метнулся, чтобы слизать алую каплю, а губы скривились в улыбке, не коснувшейся глаз. Когда он повернулся обратно, улыбка исчезла.

– Ей на вид года три или четыре. Так вот оно что. Ты пошла дальше. Нашла кого-то другого. Даже родила ребёнка. – Его голос сочился ядом. – Полагаю, вы с Остином наконец-то тоже потрахались.

Каждое слово было ножом в грудь, но под болью пришла поразительная ясность: это мой шанс от него избавиться.

Тишина.

В машине было душно, она была пропитана запахом Зейна. Хотя он больше не пробуждал прежней тоски, от него всё равно начинали пульсировать виски, предвещая головную боль. Даже сейчас он мог причинить мне боль, не прилагая усилий.

Оттолкнув его застывшую фигуру, я схватила телефон и рывком открыла дверь. Холодный ночной воздух ударил мне в лицо, вычищая остатки его присутствия из лёгких. Я не оглядывалась, уходя прочь и уже перезванивая дрожащими пальцами.

Обеспокоенный голос Матильды ответил немедленно:

– Нася, у тебя неприятности? Почему ты повесила трубку?

– Ничего. Я случайно нажала кнопку сброса. – Она всё равно позже почувствует на мне запах Зейна, но сейчас я не могла об этом говорить. – Где Орион и Джоанна?

– Я включила им фильм. Они уже начали нервничать в ожидании тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.